

- 38 Там же. Л. 8.
39 Там же. Л. 9.
40 Там же. Л. 9 об.
41 Там же. Л. 10 об.
42 Там же. Л. 10.
43 Там же. Л. 11.
44 Там же.
45 Там же.
46 Там же. Л. 12.
47 Там же.
48 Там же. Л. 12 об.
49 *Франк С. Л.* Указ. соч. С. 116.
50 См.: Русская свобода. 1917. № 9. С. 20–23.
51 РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 6.
52 Там же. Л. 7.
53 Там же. Л. 10.
54 Там же. Л. 1.
55 Там же.
56 Там же. Л. 8.
57 Там же. Л. 11.
58 Там же. Л. 12.
59 Там же. Л. 9.
60 См.: *Знаменский О. Н.* Указ. соч. С. 302–300.
61 РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об.
62 Там же. Л. 9.
63 Там же. Л. 5.
64 Там же. Л. 2.
65 Там же. Л. 1.
66 Там же. Л. 7.
67 Там же. Л. 3.
68 *Булгаков С. Н.* Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 22.
69 РГАЛИ. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
70 Там же. Л. 12.
71 Лига русской культуры. С. 21.
72 См.: *Знаменский О. Н.* Указ. соч. С. 286–287.

В. М. Лавров
Москва

Октябрьская революция в восприятии патриарха Тихона

Простое русское крестьянское лицо с большим грушевидным носом, с просветленно-мудрым и спокойным взглядом и затаившейся доброй улыбкой. Так выглядел тот, кто не был ни богословом, ни историософом, ни политиком, но которому предстояло осмыслить 1917 год, — духовный пастырь православной России не мог не сделать этого в Новогоднем слове в первый день 1918-го года. Собравшиеся в храме Христа Спасителя православные верующие ждали этого.

«Минувший год был годом строительства Российской державы. Но увы! Не напоминает ли он нам печальный опыт вавилонского строительства?» — начал

патриарх Тихон. — И наши строители желают «своими реформами и декретами облагодетельствовать не только несчастный русский народ, но и весь мир, и даже народы гораздо более нас культурные. И эту высокомерную затею их постигает та же участь, что и замыслы Вавилонян: вместо блага приносится горькое разочарование. Желая сделать нас богатыми и ни в чем не имеющими нужды, они на самом деле превращают нас в несчастных, жалких, нищих, слепых и нагих (Апокалипсис. 3, 17)».

Причем патриарх говорил не только о большевиках, но о социалистах и демократах того времени в целом: «Вся эта разруха и недостатки оттого, что *без Бога* строится ныне Русское Государство. Разве слышали мы из уст наших правителей святое имя Господне в наших многочисленных советах, парламентах, предпарламентах? Нет, они полагаются только на *свои силы*, желают сделать *имя себе*, а не так, как наши благочестивые предки, которые не себе, а имени Господню воздавали славу. Оттого Вышний посмеется планам нашим и разрушит советы наши».

И в заключение сформулирована принципиальная позиция Русской Православной Церкви: «Церковь осуждает такое строительство, и мы решительно предупреждаем, что успеха *у нас не будет никакого до тех пор, пока не вспомним о Боге*, без Которого ничего доброго не может быть сделано...»¹.

Заметим при этом, что собственно парламент — Всероссийское Учредительное Собрание — еще не открыто, не работало и не разогнано большевиками и левыми эсерами. Произойдет это через четыре дня, однако духовный опыт Тихона не позволял надеяться на данное знамя российской демократии.

И хотя роспуск парламента явился значительной и показательной политической вехой, патриарх не счел нужным откликнуться на разгон как на политическое событие. Однако то, что сопровождало антидемократический переворот, стало последней точкой в цепи событий, заставившей патриарха не только открыто осмыслить происходящее (как 1 января), но обратиться с Посланием к архипастырям, пастырям и всем чадам Православной Церкви Российской от 1 февраля 1918 г. Патриарх выступил против кровавых расправ в Петрограде, Москве, Иркутске, Севастополе и в других городах отчизны. Как известно, самой кровавой был расстрел мирной демонстрации в поддержку Учредительного Собрания в Петрограде.

«Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы, — требовал православный пастырь. — Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной.

Властью, данной Нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствует вас...» — «извергов рода человеческого», «безбожных властелинов тьмы века сего».

Не светлое будущее (по языку безумцев), а *тьма века сего* — таково духовно и нравственно состоятельное определение строящегося социализма. А безбожные властелины того времени известны: это лидеры большевиков и левых эсеров.

Патриарх призвал не вступать с таковыми в какое-либо общение, противопоставить им силу веры и «всенародный вопль, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют даже

прямо противно совести народной». Патриарх выразил твердое упование в то, что «враги Церкви будут посрамлены и расточатся силою Креста Христова, ибо непреложно обетование Самого Божественного Крестоносца: «Созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют Ей» (Матфей. 16, 18)².

Послание объявило духовную брань властелинам, служащим сатане и захватывающим Русскую землю. Читалось оно в церквях по всей России. И все же всенародного останавливающего вопля слышно не было. Народ не отказывался от общения с большевиками и левыми эсерами. С каждым днем эта страшная правда становилась все очевиднее.

Если в Послании патриарху пришлось говорить о властелинах (и казалось, что ничего дерзновеннее не может быть), то укрепление богоборческой власти заставляло сказать русскому народу правду о нем самом и в связи с этим дерзнуть говорить о Промысле Божиим. При этом была востребована более сердечная форма, чем послание или слово. С Открытым письмом сельскому священнику в Томской епархии Николаю Троицкому обратился патриарх 12 февраля.

В письме выражалась вера в то, что «как быстро и детски доверчиво было падение народа русского, развращаемого много лет несвойственной нашей христианской стране жизнью и учениями, так же пламенно и чисто будет раскаяние его, и никто не будет так любезен сердцу народному, как пастырь родной его Матери Церкви, вызволивший его из египетского зла».

Патриарх писал, что многие скорби и страдания послал Господь, «любовно наказуя нас и призывая к покаянию». Поэтому «будем терпеливо переносить все, веря, что не без воли Божией совершится это с нами и не останется бесплодным подвиг наш, подобно тому, как страдания мучеников христианских покорили мир учению Христову»³.

И вновь о падении народном пришлось проговорить правду в связи с заключением сепаратного Брестского мира с германским агрессором. «Куда же девалась былая мощь нашей Родины? — спрашивал патриарх в новом Послании пастырям и всем чадам Православной Российской Церкви⁴. — Где вы, верные сыны ее, где вы, люди ратные, прежде грудью своей защищавшие землю родную? Неужели все вы погибли в кровавой борьбе, все полегли на полях боевых? Или, быть может, нет у вас уже более орудий в руках, нет у вас силы в мышцах, нет огня пылкого в сердце?» И сам дал ответ: «Иссякли в вас не крепость телесная, даже и не мужество духа вашего, а исчезла любовь к земле родной, погасло в сердцах ваших пламя веры святой, — той святой веры, которая воодушевляла предков ваших проливать кровь за отчизну и на всем протяжении тысячелетнего бытия Русской земли воздвигала среди них мужей силы и духа, достойных вечной и славной памяти в потомстве». Происходящий позор, по признанию патриарха, поразительно точно повторял картину татарского ига⁵.

А потому «Церковь не может благословить заключенный ныне от имени России позорный мир, — продолжал патриарх в Послании от 18 марта. — Этот мир, принужденно подписанный от имени русского народа, не приведет к братскому сожительству народов. В нем нет залогов успокоения и примирения, в нем посеяны семена злобы и человеконенавистничества. В нем зародыши новых войн и зол для всего человечества». Церковь, помогавшая народу собирать и возвеличивать государство Русское, не благословит такой «мир, по которому даже искони Православная Украина отделяется от братской России, и стольный град Киев,

мать городов русских, колыбель нашего крещения, хранилище святынь, перестает быть городом державы Российской». Такой мир порожден расслаблением духа и крайним падением оболыщенного и несчастного народа⁶.

Последний оболыщен «тлетворными человеческими учениями», — уточняет патриарх Тихон в Послании Константинопольскому патриарху от 28 мая. Понятно, что идет речь о материализме, марксистской коммунистической идеологии. Однако каков же выход из «опасного народного потрясения»?⁷

В дни возгорания всероссийской гражданской войны, иностранной военной интервенции и одновременно в дни светлой Пасхи прозвучало Слово к богомольцам при служении в Троицком соборе Александро-Невской лавры в Петрограде. 16 июня, впервые после петроградского большевистского переворота, патриарх Тихон приехал в лавру и обратился к множеству встречавших и ждавших патриаршего слова. «Великая Россия, удивлявшая весь мир своими подвигами, теперь лежит беспомощная и терпит унижения... — констатировал Тихон. — Но я взираю на вас с утешением, потому что вы знаете, в чем заключается наше спасение. Спасение в Церкви Божией, в вере нашей в Бога. Она только может нас спасти и избавить от тех несчастий, которые всюду облегают нас. Конечно, нужны и преобразования, нужны и реформы. Но главное не в этом. Главное — это возрождение души нашей, об этом надо позаботиться прежде всего. Как Иов многострадальный потерял все, что имел, был терзаем, страдал, мучился, но не потерял веры в Бога, и вера эта спасла его и возвратила ему все потерянное и утраченное, так и нам Господь попустил переносить великое страдание, поношения и обиды, попустил потерять многое из того, что мы имели раньше. Но была бы только крепка вера православная, только бы ее не утратил Русский народ. Все возвратится ему, все будет у него, и восстанет он, как Иов от гноища своего. Пока будет вера, будет стоять и государство наше»⁸.

Удивительно откровенны, духовно прозорливы и просты слова русского православного патриарха. Да, социалистическая революция народна и неслучайна, точнее — псевдонародна и на горе неслучайна, а псевдонародность и неслучайность порождены духовным оскудением самого русского народа.

Народны не революция и рожденный революцией мир. Народна правда, высказанная народу и властелинам России.

Или слова о преобразованиях и реформах, оторванных от православного возрождения. В них духовный ключ к осознанию того, почему эпоха великих реформ императора Александра Освободителя завершилась великим крахом и возвратом крепостничества в псевдонародной форме. Сверх того — сегодняшние наши реформы при нравственном разложении и американизации русского народа ведут куда?

Или слова о зародышах новых войн. Ведь во множественном числе и о всем человечестве сказано, т. е. не только о том, что Брест провоцирует гражданскую войну в России. Самоисключение России и исключение нас Антантой из созидания послевоенного мира упрощало навязывание излишне тяжелых и унижительных условий мира народу Германии, что объективно способствовало развитию зародышей национал-социализма. При этом патриарх и не думал о нацизме, но духовными очами видел, что без воспитанной в православии России (способной не только извлекать выгоду, а подниматься до всечеловеческого служения), без такой России мир чреват очередной войной, злом для всего человечества.

Одновременно можно заметить, что патриарх не отзывался на очень важные политические события. Вавилонское строительство, расстрел мирной демонстрации и делящий страну договор — события более чем политические, сверхполитические. События, которые в своей совокупности породили гражданскую войну и иностранное военное вмешательство с целями, простиравшимися вплоть до захвата природных богатств и расчленения российской державы.

И, наконец, новая сверхполитическая беда стряслась в подвале Ипатьевского дома в далеком Екатеринбурге. 21 июля в Казанском соборе на Красной площади в Москве совершалось патриаршее служение литургии по случаю храмового праздника. По свидетельству протоиерея П. Н. Лахостского, после чтения Евангелия патриарх произнес экспромтом Слово о том, что «совершилось ужасное дело: расстрелян бывший государь Николай Александрович, по постановлению Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов, и высшее наше правительство — Исполнительный Комитет одобрил это и признал законным. Но наша христианская совесть, руководимая Словом Божиим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинувшись учению Слова Божия, осудить это дело, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его. Не будем здесь оценивать и судить дела бывшего государя: беспристрастный суд над ним принадлежит истории, а он теперь предстоит пред нелицеприятным судом Божиим, но мы знаем, что он, отрекаясь от престола, делал это, имея в виду благо России... и вдруг он приговаривается к расстрелу где-то в глубине России, небольшой кучкой людей, не за какую-либо вину, а за то только, что его будто бы кто-то хотел похитить. Приказ этот приводят в исполнение, и это деяние — уже после расстрела — одобряется высшей властью. Наша совесть примириться с этим не может, и мы должны во всеулышание заявить об этом, как христиане, как сыны Церкви. Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть закупают в тюрьму, пусть нас расстреливают».

Патриарх говорил с волнением и тихо. В соборе на Красной площади «почувствовали какое-то облегчение от сознания, что заговорили те, кому следует говорить и будить совесть. Правда, на улицах говорят различно, некоторые злорадствуют и одобряют убийство...» — свидетельствовал в те дни на Поместном соборе Русской Православной Церкви протоиерей Лахостский⁹.

При этом патриарх Тихон поверил в заявление ВЦИК о том, что решение о расстреле принято в Екатеринбурге. Однако телеграмма местных коммунистов вождю своей партии сформулирована так, что отсутствие ответной телеграммы с запрещением предстоящего расстрела рассматривалось как согласие на расстрел. Главный властелин дал как минимум молчаливую санкцию на совершение преступления. Есть также исторические источники, в которых утверждается, что Ленин послал ответную телеграмму с прямым предписанием расстрелять¹⁰.

Причем московские властелины сознательно ввали, что не расстреляны дети и супруга бывшего государя¹¹.

Какие бы слова сказал патриарх, зная, что невинные девушки зарезаны с последующим раздеванием и ограблением?

Нет таких слов.

«Еще продолжается на Руси эта страшная и томительная ночь, и не видно в ней радостного рассвета. Изнемогает наша Родина в тяжких муках... земля упи-

вается неповинною кровью, проливаемою братскою рукою, оскверняется насилем, грабежами, блудом и всякою нечистою.

Из того же ядовитого источника греха вышел великий соблазн чувственных земных благ, которыми и прельстился наш народ, забыв о едином на потребу.

Мы не отвергли этого искушения, как отверг его Христос Спаситель в пустыне. Мы захотели создать рай на земле, но без Бога и Его святых заветов. Бог же поругаем не бывает. И вот мы алчем, жаждем и наготуем в земле, благословенной обильными дарами природы, и печать проклятия легла на самый народный труд и на все начинания рук наших...

О, кто даст очам нашим источники слез, чтобы оплакать все бедствия, порожденные нашими всенародными грехами и беззакониями — помрачение славы и красоты нашего Отечества, обнищание земли, оскудение духа, разорение градов и весей, поругание храмов и святынь и все это потрясающее самоистребление великого народа, которое сделало его ужасом и позором для сего мира.

Где же ты, некогда могучий и державный русский православный народ? Неужели ты совсем изжил свою силу? Как исполин, ты, великодушный и радостный совершал свой великий, указанный тебе свыше путь, благовествуя всем мир, любовь и правду.

И вот, ныне ты лежишь, поверженный в прах, попираемый твоими врагами, сгорающий в пламени греха, страстей и братоубийственной злобы. Неужели ты не возродишься духовно и не восстанешь снова в силе и славе своей?

Неужели Господь навсегда закрыл для тебя источники жизни, погасил твои творческие силы, чтобы посечь тебя, как бесплодную смоковницу?»¹².

Не слова, а благодать Плача Русского Иереи пролилась в Послании всем верным православным чадам пред святым Успенским постом, 8 августа.

Не бывшего государя с супругой и детьми истреблял председатель Совнаркома Ленин. Истреблял живые символы великой православной России, истреблял саму православную Россию.

Запредельная бесчеловечность потребовалась партии властелинов, чтобы партийностью и классовым подходом подменить совесть, сплотиться преступно пролитой кровью и выиграть разгоравшуюся гражданскую войну.

Ранее наступление 1918 года, а теперь первая годовщина Октябрьской социалистической революции «вынуждает Нас сказать вам горькое слово правды», говорилось в патриаршем Обращении к Совнаркому от 7 ноября. «Соблазнил темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть, заглушили в нем сознание греха; но какими бы названиями ни прикрывались злодеяния, — убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к небу об отмщении грехами и преступлениями», — писал патриарх Тихон. «Да, мы переживаем ужасное время вашего владычества, и долго оно не изгладится из души народной, омрачив в ней образ Божий и запечатлев в ней образ зверя»¹³.

Кто и когда говорил правителям и самому русскому народу такую горькую правду!

И вновь, во время разнузданной кампании по вскрытию мощей (вслед за осквернением коммунистами мощей преподобного Саввы Сторожевского) патриарх не мог не обратиться к председателю совнаркома. Уже не с обличением и увещанием, а с заявлением:

«Вскрытие мощей Нас обязывает стать на защиту поругаемой святыни и отечески вещать народу: должно повиноваться больше Богу, нежели человекам»¹⁴.

Заявление сделано 2 апреля 1919 г., в разгар наступления войск А. В. Колчака. В случае их победы, патриарх встречал бы белого адмирала как избавителя от ужасного владычества; продолжил бы плодотворную деятельность Поместный собор.

Однако не по годам постаревший духовный пастырь предпочитал не опережать события. Еще в 1918 г. в ответ на оптимистичные прогнозы бывшего обер-прокурора Синода А. В. Карташева Тихон ответил: «Хорошо! Уж очень все хорошо! Да только когда все это будет? Конечно, не теперь!» Позднее в эмиграции А. В. Карташев признал: «Как сын народа, патриарх Тихон тогда уже инстинктивно чувствовал силу и длительность народного увлечения большевизмом, не верил в возможность скорой победы белого движения и не был согласен с нами в политических расчетах»¹⁵.

Патриарх отказывался даже тайно благословить военных руководителей Белой армии, которая не определилась духовно, не стала русской православной народной армией, продолжательницей национально-освободительного движения гражданина Минина и князя Пожарского в предыдущую русскую смуту. Мужественный патриарх был готов открыто поддержать подобное движение, повторить подвиг патриарха Гермогена. Но отсутствовала подобная армия, а в Белом движении продолжился предреволюционный духовно-мировоззренческий разброд образованного общества (от студентов до министров и генералов), разброд, который ранее разжигал из искры пламя и потом предопределял поражение белогвардейцев.

О благословении Красной армии, созданной для поддержки Октябрьской и мировой социалистической революции и руководимой теми, кто подвергнут анафематствованию, не было и речи.

Отсюда аполитичность или невмешательство, а точнее — вынужденная и в известном смысле лишь внешняя отстраненность патриарха от схватки как в гражданской войне 1918–1920 гг., так и в политическом противоборстве 1917–1918 гг. Относительность внешней отстраненности того, кто вышел на духовную брань прекрасно осознавал Ленин; марксистско-ленинский подход отметал формально-юридические иллюзии. И коммунистический термин «тихоновщина» звучал как синоним «колчаковщины» и «контрреволюции», как смертный приговор.

Православный патриарх безусловно видел, что в действительно народных и государственных интересах России предпочтительна победа более вменяемых социалистов и демократов в политическом противоборстве и победа Белой армии в гражданской войне. Но патриарх не верил в полагающихся только на свои силы безбожников (социалистов, демократов и многих белогвардейцев), другая же альтернатива властелинам отсутствовала. Если патриарх Гермоген принес себя в жертву, которая пала на благодатную народную почву и возросла плодотворным, религиозно и политически состоятельным движением, то теперь были поколеблены основы.

Открытая поддержка белогвардейцев могла не перевесить чашу весов в пользу последних, но оставить Русскую Православную Церковь без патриарха в тяжелейшее время. Причем пред Тихоном имелся пример — Россия без царя...

И все же: если даже Тихон не попытался так перевесить чашу весов, то что говорить о других? Если даже Тихон..., то тем более тьма века сего заслужена нами?!

В постоянном и мучительном поиске богоугодной, духовно состоятельной и адекватной позиции патриарх обращался за вразумлением к Господу. И не исключено, что по молитвам Тихона вразумление могло иметь место. Если не по молитвам такого патриарха, то по чьим молитвам?

Поэтому позицию православного патриарха следует рассматривать весьма осторожно, ставя вопросы и избегая ставить все точки над «i». Тем более, что не нам судить. Принимать столь ответственные решения призван был он.

Отказываясь благословить белых, он одновременно содрогался от красных. «Мы содрогаемся, читая, как Ирод, ища погубить Отроча, погубил тысячи младенцев. Мы содрогаемся, что возможны такие явления, когда при военных действиях один лагерь защищает передние свои ряды заложниками из жен и детей противного лагеря... — говорилось в Послании от 21 июля 1919 г. — Мы содрогались, — но ведь эти действия шли там, где не знают или не признают Христа, где считают религию опиумом для народа, где христианские идеалы — вредный пережиток, где открыто и цинично возводятся в насущную задачу истребление одного класса другим и междоусобная брань»¹⁶.

Одновременно для русского патриарха неприемлема иностранная военная интервенция. Так, 8 октября 1919 г. в Послании православному клиру и мирянам отмечалось, что никакое иноземное вмешательство не спасет Россию.

В целом, и особенно после поражения колчаковцев, патриарх пытался вести Церковь по пути гражданской лояльности существующей власти. В том же Послании говорилось: «Указывают на то, что при перемене власти [с красной на белую] служители Церкви иногда приветствуют эту смену колокольным звоном, устроением торжественных богослужений и разных церковных празднеств. Но если это и бывает где-либо, то совершается или по требованию самой новой власти, или по желанию народных масс, а вовсе не по почину служителей Церкви...

Памятуйте же, отцы и братие, и канонические правила и завет св. апостола: “Блюдите себя от творящих распри и раздоры”, уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях, “повинуйтесь всякому человеческому начальству” в делах мирских (1 Петр. 2, 13), не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти, подчиняйтесь и ее велениям, поскольку они не противоречат вере и благочестию, ибо Богу, по апостольскому наставлению, должно повиноваться более, чем людям (Деяния. 4, 19; Галатам. 1, 10)»¹⁷.

Это Послание о невмешательстве в политическую борьбу направлено в разгар наступления Добровольческой армии А. И. Деникина на Москву и войск Н. Н. Юденича — на Петроград! Кажется, стоило обождать считанные дни до военной развязки: вдруг освободят столицы? Последнего не исключали и коммунисты, готовившиеся к уходу в подполье. Политик предпочел бы обождать до развязки. Однако духовный пастырь поступил иначе. И объяснение этому одно: патриарх не чувствовал, что народ переболел большевизмом, не чувствовал изжитости и обреченности коммунистической идеологии.

Послание предписывало подчиняться и советской власти. Однако подчиняться постольку, поскольку... Причем многочисленные веления, а главное — курс партии «дела сатанинского», «безбожных властителей тьмы века сего» не

могли не противоречить вере и благочестию православных. Отсюда опять же относительность тогдашнего невмешательства Русской Православной Церкви.

В Заявлении содержащегося под стражей патриарха Тихона в Верховный суд РСФСР 16 июня 1923 г. говорилось правда: «Я действительно был настроен к Советской власти враждебно, причем враждебность из пассивного состояния временами переходила к активным действиям, как-то: обращение по поводу Брестского мира в 1918 г., анафематствование в том же году власти и, наконец, воззвание против декрета об изъятии церковных ценностей в 1922 г.». Патриарх признал свои действия антисоветскими. И с этим тоже можно согласиться, тем более, что антисоветскими и заслуживающими расстрела признавались несравнимо менее значимые действия.

Вынужденное нарушение заповеди «не лжесвидетельствуй» состояло в другом — в утверждении: «Я раскаиваюсь в этих проступках против государственного строя... я отныне Советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции»¹⁸.

«Раскаяться» и «решительно отмежеваться» от контрреволюции понадобилось, чтобы выйти из-под стражи и сломить обновленческое духовенство, приветствовавшее социалистическое строительство и под руководством ГПУ подчинявшее себе Русскую Православную Церковь.

Являться врагом советской власти и контрреволюционером значило не принимать дела сатанинского, выйти на духовную брань с антихристом. И это осознавал и патриарх, и патриаршая паства. Если князю Александру Невскому пришлось считаться с татарским игом, то патриарху Тихону — с татароподобным. В обоих случаях в памяти народной остались не вынужденные и тягостные попытки подстроиться под утвердившееся ужасное владычество, а дерзновенное отстаивание веры и благочестия Земли Русской.

В Послании 8 октября 1919 г. осталось поистине пророчество о том, что «*никакое иноземное вмешательство, да и вообще никто и ничто, не спасет России от нестроения и разрухи, пока Правосудный Господь не предложит гнева Своего на милосердие, пока сам народ не очистится в купели покаяния от многолетних язв своих, а через то не возродится духовно...*»¹⁹ (курсив мой. — В. Л.).

9 октября 1989 г., в преддверии победы Демократической революции рубежа восьмидесятых-девяностых годов XX века и, соответственно, исторического поражения Октябрьской социалистической революции, Архиерейский собор Русской Православной Церкви причислил к лику святых патриарха Тихона. В мучениках, исповедниках и подвижниках благочестия Русской Церкви выстояла Святая Русь.

Примечания

- 1 Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. М., 1994. С. 76–77. Слово патриарха Тихона произнесено перед началом новогоднего молебна.
- 2 Там же. С. 83, 84.
- 3 Там же. С. 88, 89.
- 4 О датировке Послания: на нем поставлено число (2) и год (1918), однако не указан месяц. Из текста Послания видно, что оно написано после принятия германских условий мира, а именно 2 марта по старому или 15 марта по новому стилю.

- 5 Акты Святейшего Тихона... С. 104.
- 6 Там же. С. 107, 108.
- 7 Там же. С. 130.
- 8 Там же. С. 137–138.
- 9 Там же. С. 142–143. Слово патриарха Тихона записано протоиереем П. Н. Лахостским, запись просмотрена и одобрена патриархом. Отсутствие какого-либо черновика Слова подтверждает наблюдение протоиерея о выступлении Тихона экспромтом. Разумеется, православный патриарх высказал то, о чем мучительно думал с 19 июля, когда ВЦИК объявил о расстреле.
- 10 См.: *Радзинский Э.* «Господи... спаси и усмири Россию». Николай II: жизнь и смерть. М., 1993. С. 384, 404.
- 11 Известия ВЦИК. 1918. 19 июля.
- 12 Акты Святейшего Тихона... С. 144, 146.
- 13 Там же. С. 149, 150, 151.
- 14 Там же. С. 159.
- 15 *Карташев А.* Временное правительство и Русская церковь // *Современные записки.* Париж, 1933. С. 387, 388. См. также: *Сахаров А. Н.* Россия: Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004. С. 576–579.
- 16 Акты Святейшего Тихона... С. 161.
- 17 Там же. С. 164.
- 18 Там же. С. 280–281.
- 19 Там же. С. 164.

А. Н. Фёдоров
Москва

Социальное измерение пореволюционного российского города: проблемное поле исследования

В современных условиях на первый план выходят новые подходы к области исторических исследований, в том числе, социальная история, со своим понятийным аппаратом, методами изучения, комплексами источников. Является актуальным обращение к человеческому измерению истории, к тому, что «обычно делают обычные люди»¹. Для социального историка интерес представляет общество, как совокупность неповторимых индивидуальностей, как пространство обитания всех людей. Понимание роли и места человека в историческом процессе на сегодняшний день выступает одним из основных требований к познанию прошлого. Речь идет о такой «истории, которая позволяет ответить на следующие вопросы: как люди думают, чувствуют, взаимодействуют при регулярном исполнении своих обязанностей дома, во время работы или нахождении в своем привычном материальном окружении»². Сам факт «обычной» жизни приобретает качественно иное научное значение, он есть нечто большее, чем простое описание события. Применительно к пространственно-временному единству, которое занимало советское общество, можно говорить ещё о большом спектре малоизученных проблем. Свое начало оно ведет от революции 1917 года, а географически, на момент распада государства, занимает 1/6 часть обитаемого, сухопутного пространства. В первой части данной публикации будут предприняты попытки обобщить существующие в отечественной науке подходы к исследованию городского сообщества на послереволюционном этапе своего существования (1917–